

© Олександр В.А.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Галич, О. А. Теорія літератури : підручник для студ. вузів / Олександр Галич, Віталій Назарець, Євген Васильєв. – Вид. 3-є, стер. – К. : Либідь, 2006. – 488 с.
2. Горных А. А. Деконструкция / А. А. Горных, А. А. Грицанов // История философии : Энциклопедия // сост. и гл. научн. ред. А. А. Грицанов. – Минск : Интерпрессервис, 2002. – С. 293-294.
3. Деррида, Жак. Письмо и различие / Жак Деррида ; пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. – М. : Академический Проект, 2000. – 495 с.
4. Зборовська, Н. Український культурний канон: феміністична інтерпретація : [Електронний ресурс] / Н. Зборовська. – Режим доступу : <http://www.ji.lviv.ua/n13texts/zborovs.htm>. – (Дата звернення: 22.07.2013).
5. Зборовська, Н. Феміністичні роздуми: На карнавалі мертвих поцілунків / Н. Зборовська, М. Ільницька. – Львів : Літопис, 1999. – 336 с.
6. Кирилина, А. В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах : [Электронный ресурс] / А. В. Кирилина. – Режим доступа : <http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina.htm>. – (Дата обращения: 22.07.2013).
7. Костикова, А. А. Гендерная философия и феминизм: история и теория : [Электронный ресурс] / А. А. Костикова. – Режим доступа : http://www.gender-cent.ryazan.ru/kostikova_a.htm. – (Дата обращения: 22.07.2013).
8. Кремень, В. Г. Філософія: мислителі, ідеї, концепції : [Електронний ресурс] / В. Г. Кремень, В. В. Ільїн. – К. : Книга, 2005. – 528 с. – Режим доступу: <http://studentbooks.com.ua/content/view/1386/53/1/0/>. – (Дата звернення: 22.07.2013).
9. Милн, А. А. Winnie Пух. Дом в Медвежьем углу : Винни Пух и философия обыден. яз. / А. А. Милн ; пер. с англ. Т. А. Михайловой, В. П. Руднева ; ст. и коммент. В. П. Руднева. – М. : Гнозис, 1994. – 334 с. – (Аналитическая философия в культуре XX века).
10. Новая философская энциклопедия : [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – Режим доступа : <http://iph.ras.ru/enc.htm>. – (Дата обращения: 22.07.2013).
11. Постмодернизм. Словарь терминов : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://postmodernism.academic.ru/>. – (Дата обращения: 22.07.2013).
12. Скирбекк, Г. История философии : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений : [Электронный ресурс] / Скирбекк Г., Гилье Н. ; пер. с англ. В. И. Кузнецова ; под ред. С. Б. Крымского. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 800 с. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Skirb/index.php. – (Дата обращения: 22.07.2013).
13. Стасенко, С. А. Деконструкція культурної аксіоматики в теорії постмодерну / С. А. Стасенко // Вісник Донбаської національної академії будівництва та архітектури. – Донбас, 2009. – Вип. 3 (77). – С. 63-66.

Олександр В.А., аспірант, Севастопольський національний технічний університет
УДК 141.7:316.32

МОДЕЛІ МАЙБУТНЬОГО В ТЕОРЕТИЧНИХ ПОБУДОВАХ Ф. ФУКУЯМИ І С. ХАНТІНГТОНА

У статті аналізуються філософські концепції Ф. Фукуями та С. Хантінгтона з позиції перспектив світового розвитку.

Ключові слова: кінець історії, ліберальна демократія, зіткнення цивілізацій.

МОДЕЛИ БУДУЩЕГО В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ ФРЕНСИСА ФУКУЯМЫ И СЭМЮЭЛЯ ХАНТИНГТОНА

В статье анализируются философские концепции Ф. Фукуямы и С. Хантингтона с позиции перспектив мирового развития.

Ключевые слова: конец истории, либеральная демократия, столкновение цивилизаций.

**MODELS OF FUTURE IN THEORETICAL WORKS OF
F. FUKUYAMA AND S. HUNTINGTON**

The article analyzes concepts of F. Fukuyama and S. Huntington from a viewpoint of future world development.

Keywords: *the end of history, liberal democracy, the clash of civilizations.*

Одним из самых значительных событий в философской науке конца XX в. следует считать появление двух концепций – Френсиса Фукуямы и Сэмюэля Хантингтона. Их рождение обусловлено грандиозными потрясениями конца минувшего столетия. Теоретическая парадигма времен холодной войны представляла достаточно простую схему двухполюсного мира, в котором основные события развивались вокруг борьбы двух конкурирующих сверхдержав. Однако с момента распада СССР данное теоретическое построение закончило свое существование и возникла настоятельная потребность в новой концепции, которая бы отражала уже современную политическую ситуацию. Ответом на это требование явилось появление вышеназванных теоретических конструкций Хантингтона и Фукуямы, так как обе они представляли собой попытку дать ответ на вопрос о том, что же будет определять движение истории в будущем. Благодаря этому обе концепции прочно вошли в философский и политологический дискурс.

Несмотря на то, что с момента появления «Конца истории» Фукуямы и «Столкновения цивилизаций» Хантингтона прошло уже достаточно много времени, неутихающие споры и дискуссии, как в академических кругах, так и среди широкой общественности, свидетельствуют об их актуальности, и служат достаточным обоснованием их претензии на роль основополагающей парадигмы современного мира, а потенциал названных концепций позволяет им, не теряя основ, трансформироваться с учетом эволюции исторического процесса.

Существует множество публикаций, посвящённых взглядам Фукуямы и Хантингтона. представляющих интересные философские и политологические концепции конца XX в. и позволяющих спрогнозировать развитие современного мира с точки зрения цивилизационного подхода. Прежде всего, это работы А. Дугина, В. Баранова, В. Малахова, Н. Серова, Ч. Майнеса, Ф. Фридберга и некоторых других.

В статье предпринята попытка раскрыть основные положения философско-политических концепций Фукуямы и Хантингтона, с точки зрения их прогностического потенциала.

Необходимо отметить, что и Фукуяма и Хантингтон в своих теоретических построениях представили свое видение будущего, вместе с тем – это две достаточно отличающиеся друг от друга модели.

Концепцию «конца истории» Фукуямы можно рассматривать как оптимистический взгляд на предстоящее развитие истории, в то время как теория «столкновения цивилизаций» Хантингтона тяготеет к скептицизму и внушает определенные опасения в отношении будущего миропорядка.

Говоря о своем видении мира в начале XXI в., Фукуяма утверждает, что либеральная демократия в ее западном варианте является конечным пунктом развития цивилизации. Анализируя процессы реформ в СССР и КНР, изменения в интеллектуальном климате этих двух стран, отмечая перемены в других регионах, Фукуяма делает вывод: произошедшие изменения есть не просто конец «холодной войны» или окончание какого-либо послевоенного периода - наступает конец истории, как таковой.

Теория Фукуямы не является принципиально новой в историософии, и в своих теоретических основаниях восходит к классическим учениям Гегеля и Маркса, согласно которым, история является диалектическим процессом, который имеет начало и должен иметь конец, сущностью которого должно стать достижение человечеством наивысшей стадии общественного развития. На пути к этой наивысшей стадии происходит последовательная смена способов производства, обновление социальных институтов и структур, замена менее совершенных политических систем более совершенными. В конечном итоге наступает конец истории – достижение наиболее совершенной формы общественной, политической и духовной жизни людей. Отсюда можно сделать вывод, что история следует путем прогресса и свободы. Для Гегеля этот прогресс выражался в торжестве Мирового Разума, воплощенного в прусском государстве, Маркс усматривал окончательный прогресс в победе коммунизма во всем мире. Фукуяма же, следуя той же логике, видит конец истории в торжестве либеральной демократии во всем мире. Но в отличие от Гегеля и Маркса, которые переносили окончание истории в некое отдаленное будущее и едва ли в полной мере представляли себе окончательный образ мира, в котором воплотится идеал общественного развития, Фукуяма говорит, что конец истории уже наступил и либеральная демократия как наиболее совершенная форма

организации человеческого общества и является окончательным образом современного мира.

«...Наблюдая, как разворачиваются события в последнее десятилетие или около того, трудно избавиться от ощущения, что во всемирной истории происходит нечто фундаментальное. Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив. То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец «холодной войны» или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [1, с. 290-291].

Из концепции Фукуямы можно сделать следующий вывод – либеральная демократия как наиболее эффективная и отвечающая природе человека политическая система одержала победу во всем мире и с момента победы либеральной демократии формируется новая универсальная цивилизация способная разрешить основные противоречия и конфликты человеческого общежития. Фукуяма говорит, что сегодня доктрина либеральной демократии принимается многими странами. Она доказала свою состоятельность в качестве «наилучшего решения человеческой проблемы». Таким образом, именно либеральная демократия приведет человечество к миру, процветанию и справедливости.

Ответ на вопрос: «Действительно ли мы подошли к концу истории?» автор концепции ищет, прежде всего, в сфере идеологии. Конец истории выливается в «окончание идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии, как окончательной формы человеческого правления» [2, с. 2].

Фукуяма рассматривает в качестве вызовов либерализму глобальные направления общественно – идеологических движений XX в. – фашизм и коммунизм.

Фашизм, как жизнеспособная идеология, был уничтожен Второй мировой войной. Гораздо более серьезным был идеологический вызов, брошенный либерализму второй великой альтернативой – коммунизмом. Маркс утверждал, что либеральному обществу присуще фундаментальное неразрешимое противоречие: это – противоречие между трудом и капиталом. Именно оно долгие годы служило главным обвинением против либерализма. Крушение социалистических экспериментов в СССР и Восточной Европе вскрыли внутренние противоречия коммунистической идеи. Социалистические государства оказались неспособными обеспечить общественный порядок, который отвечал бы человеческим потребностям и можно было только оттягивать конец подобных государств. Только реальная демократия способна дать простор гражданскому обществу в двух его ипостасях – свободном рынке и политической конкуренции. Первая должна строиться на основе либерализма, традиции которого восходят к периоду первых буржуазных революций; вторая обеспечивается представительной демократией, которая берет свое начало ещё в античности.

Фукуяма выводит свой концепт конца истории из присущей любому человеку потребности в признании, ссылаясь на известную работу Р. Фрэнка, в которой экономический интерес, занимающий центральное место в современном обществе, он трактует как частную форму проявления стремления человека к признанию его статуса [3, р. 112]. Полагая, что самоуважение является одной из важнейших целей человека, Фукуяма рассматривает его в качестве двигателя истории.

В современном мире место борьбы за признание заняла борьба за более эффективное удовлетворение человеческих потребностей. Антагонизм систем сменился конкуренцией внутри одной системы.

Человек желая, предпочитает проявлять конформизм и работать внутри системы –желание у него заменяет признание. Человек признания, в отличие от него, ратует за достоинство свое и своих сограждан. Экономический человек руководствуется личной выгодой.

Фукуяма констатирует: «Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, - вместо всего этого - экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории» [1, с. 291-292].

Для того чтобы охарактеризовать образ жизни человека в постисторическую эпоху Фукуяма пользуется идеями Ф. Ницше: «Типичным гражданином либеральной демократии является «последний человек», который, будучи вышколен основателями современного либерализма, оставил гордую веру в собственное превосходящее достоинство ради комфортабельного самосохранения. Либеральная демократия порождает «людей без груди», состоящих из желаний и рассудка, но не имеющих «тимоса», умело находящих новые способы удовлетворять сонмы мелких желаний путем

расчета долговременной выгоды для себя. Последний человек не имеет желания быть признанным более великим, чем другие, а без такого желания невозможны достижения. Довольный Своим счастьем, неспособный ощутить какой бы то ни было стыд за неумение подняться над своими желаниями, последний человек перестает быть человеком» [2, с. 9].

Очевидно, что перспектива превращения мира в мир «последнего человека» не может вызывать сочувствия. Не вызывает она сочувствия и у самого автора и поэтому далее, как бы, вступая в спор с Ницше, он приводит следующие соображения: «Следуя мыслям Ницше, мы вынуждены задать следующий вопрос: разве человек, который полностью удовлетворен всего лишь универсальным и равным признанием, не является чем-то меньшим, чем человек, – объектом презрения, «последним человеком» без стремления и вдохновения? Разве не заложено в человеческой личности некоторое сознательное стремление к борьбе, опасности, риску и дерзновению, и разве не останется эта сторона нереализованной в «мире и процветании» современной либеральной демократии? Разве для некоторых людей удовлетворенность не требует признания по самой сути своей неравного? И разве не составляет жажда неравного признания основу живой жизни не только в былых аристократических сообществах, но и в современных либеральных демократиях? Не будет ли само выживание этих демократий в некоторой степени зависеть от того, насколько их граждане стремятся быть признанными не равными другим, а выше других? И не может ли этот страх превращения в презренного «последнего человека» повести людей по новым, непредвиденным путям, пусть даже эти пути приведут туда, где снова человек станет бестиальным «первым человеком», ведущим кровавые битвы за престиж, только теперь – современным оружием?» [2, с. 9]

Последний человек не имеет желания быть признанным более великим, чем другие, а без такого желания невозможны достижения. Довольный своим счастьем, неспособный ощутить стыд за неумение подняться над своими желаниями, последний человек перестает быть человеком.

Закат общественной жизни предполагает, что в будущем мы рискуем стать безмятежными и самодовольными последними людьми, жаждущими только личного комфорта. Иными словами, мир являет собой образ «Дивного Нового мира» представленного в знаменитой антиутопии Хаксли и здесь сразу вспоминаются слова одного из героев романа: «Цивилизация абсолютно не нуждается в благородстве или героизме. Благородство, героизм – это симптомы политической неумелости. В правильно, как у нас, организованном обществе никому не доводится проявлять эти качества. Для их проявления нужна обстановка полнейшей нестабильности. Там, где войны, где конфликт между долгом и верностью, где противление соблазнам, где защита тех, кого любишь, или борьба за них, – там, очевидно, есть некий смысл в благородстве и героизме. Но теперь нет войн. Мы неуспешнее предотвращаем всякую чрезмерную любовь. Конфликтов долга не возникает; люди так сформованы, что попросту не могут иначе поступать, чем от них требуется. И то, что от них требуется, в общем и целом так приятно, стольким естественным импульсам дается теперь простор, что, по сути, не приходится противиться соблазнам» [4, с. 520].

Следует заметить что, если в начале XX-го века книга была прочтена как явная сатира на современное общество, то в начале XIX –го данный образ мира воспринимается многими уже как совершенно реальная и, пожалуй, неизбежная перспектива для всего человечества. Захочет ли человек жить в таком мире?

Как утверждает Фукуяма, при либеральной демократии исчезают фундаментальные противоречия – уважение и признание будет реализовано в виде всеобщности прав; неравные признания господ и рабов будут заменены признанием универсальным и взаимным, все граждане признают за каждым человеческое достоинство. Войн практически не будет, особенно между либерально-демократическими режимами. Конечно, многие социальные проблемы не решатся, напряженность между свободой и равенством останется, так как невозможна ни абсолютная свобода, ни полное равенство, но, тем не менее, либеральная демократия представляется идеальным из возможных вариантов социально-политического развития. Человечество идет к концу истории, к либеральной демократии, которая «заменяет иррациональное желание быть признанным выше других рациональным желанием быть признанным равным другим.

Но является ли признание, доступное жителям современных либеральных демократий, полностью удовлетворительными? Приверженцы всеобщего равенства скажут, что универсальное признание в либеральных демократиях по необходимости неполно, поскольку капитализм создает экономическое неравенство и требует разделения труда, которое в силу самого этого факта влечет за собой неравное признание. В этом отношении даже абсолютное процветание нации не дает решения, потому что всегда будут существовать люди относительно бедные, в которых иные не будут видеть

людей. Другими словами, либеральная демократия, продолжает признавать равных людей неравным образом. Второе и, на наш взгляд, более существенное критическое замечание об универсальном признании исходит от правых, глубоко обеспокоенных нивелирующим эффектом, созданным приверженностью демократии к равенству.

Мы можем предположить, что некоторые люди не будут удовлетворены пока не проявят себя тем самым актом, который составлял человеческую сущность в начале истории: они захотят пойти на смертельный риск в битве и тем без тени сомнения доказать себе и своим собратьям, что они свободны. Существует опасность, что мы снова станем первыми людьми, ввязывающимися в кровавые и бессмысленные войны за престиж, только на этот раз – с современным оружием» [2, с. 207].

По Фукуяме, угрозу ядерной войны, возникающую, в том числе при бессмысленной гонке вооружений, можно решить с помощью замены международной системы государств мировым правительством, которое силой ввело бы мораторий на опасные технологии. Можно поспорить с такой постановкой вопроса. И сегодня либеральные государства ориентируются на стратегию ядерного сдерживания, чтобы создать для себя возможность нейтрализовать ядерный потенциал соперника. Наличие силы, а значит, и наличие страха признается в качестве залога мира, что, по сути, является ожиданием войны. Сформировался объективный предел для конфронтации на международной арене, выраженный в угрозе гибели человеческой цивилизации. Несмотря на всевозможные меры предосторожности, высока вероятность случайного сбоя в системах управления оружием или ложных тревог в системе предупреждения о ядерном нападении, что может вызвать ядерный ответ на мнимую агрессию. Ярким подтверждением непредсказуемости ситуации является ситуация с Северной Кореей в апреле 2013 года.

Ф. Фукуяма предлагает допустить, если фашизма и коммунизма не существует: остаются ли у либерализма еще какие-нибудь идеологические конкуренты? Или иначе: имеются ли в либеральном обществе какие-то неразрешимые в его рамках противоречия? По его мнению – это могут быть религия и национализм.

Обе эти формы признания менее рациональны, чем универсальное признание либерального государства, поскольку строятся они на произвольных различиях между священным и мирским или между социальными группами людей. По этой причине религия, национализм и комплекс этических привычек и обычаев традиционно считались препятствием на пути установления политических институтов демократии и экономики свободного рынка. Но в ходе модернизации эти различительные линии будут стираться. Говоря о международной политике, Фукуяма подчеркивает, что в некотором смысле национализм есть мегалотимия ранних времен, принявшая более современную и демократическую форму. Разрешение этой проблемы заключается в распространении либеральной демократии в сфере международных отношений: либеральные государства ни разу в истории не воевали друг с другом. Но при этом, макроконфликт между блоками государств не исчезнет. Ибо и в это время мир будет разделен на две части: одна будет принадлежать истории, другая – постистории. На повестке дня останутся и терроризм, и национально-освободительные войны как остаточные явления истории в постистории.

Фукуяма выделяет серьезные конфликты конца XX - начала XXI вв. - радикальный ислам, кризис либеральных реформ в России и Латинской Америке. Однако альтернативы социальной рыночной экономике и демократической политической системе, по мнению Фукуямы, не существует. В соответствии с его теорией, незападные сообщества являются лишь будущей проекцией западных ценностей. Акцент в «Конце истории» сделан именно на «исчерпанность» систематических альтернатив Западу, ведь именно Запад, по мнению автора, в сегодняшнем мире остается сообществом с превосходящим остальные своим авторитетом и своей моралью. Именно поэтому западные ценности подлежат глобальному распространению, вне зависимости от того, приветствуется это другими акторами международной системы или нет. Таким образом, своей теорией Ф. Фукуяма подтвердил свою приверженность ценностям лишь одного из существующих сообществ - западного.

Концепцию Хантингтона можно понимать как некий противовес концепции «Конца истории» Фукуямы. В статье и позднее в книге «Столкновение Цивилизаций и Новый мировой порядок» он, анализируя современные политические события, пытается доказать, что ни о каком конце истории и победе либеральной демократии не может идти и речи. Оспаривая оба тезиса Фукуямы о победе либеральной демократии и возникновении бесконфликтного мирового сообщества, он говорит о том, что в сегодняшнем мире существует множество форм авторитаризма, национализма, корпоративизма

и рыночного коммунизма, каждая из которых представляет собой в соответствующих странах достаточно стойкую альтернативу либеральной демократии.

Хантингтон предлагает свою собственную геополитическую концепцию, главная идея которой заключается в том, что в современном мире конфликты будут вызваны не идеологическими разногласиями, но цивилизационными различиями, где различные религиозные и культурные идентичности станут главным фактором сотрудничества или противостояния наций. Хантингтон заявляет, что человеку свойственно ненавидеть. «Для самоопределения и мотивации людям нужны враги: конкуренты в бизнесе, соперники в достижениях, оппоненты в политике. Естественно, люди не доверяют тем, кто отличается от них и имеет возможность причинить им вред, и видят в них угрозу. Разрешение одного конфликта и исчезновение одного врага порождает личные, общественные и политические силы, которые дают толчок к новым конфликтам» [5, с. 79].

И далее он утверждает что люди нуждаются в идентичности и они обретают эту идентичность определяя для себя врагов. «В мире после «холодной войны» флаги имеют значение, как и другие символы культурной идентификации, включая кресты, полумесяцы и даже головные уборы, потому что имеет значение культура, а для большинства людей культурная идентификация – самая важная вещь. Люди открывают новые, но зачастую старые символы идентификации, и выходят на улицы под новыми, но часто старыми флагами, что приводит к войнам с новыми, но зачастую старыми врагами» [5, с. 79].

Таким образом, согласно Хантингтону конфликт и борьба есть неизбежный факт жизни любого общества. Анализируя исторические события, он утверждает, что после мирного соглашения в Вестфалии конфликты в мире происходили между монархами. После Французской революции конфликты стали происходить между нациями. После революции в России конфликты обрели идеологический характер, а в мире после окончания Холодной войны конфликты будут происходить между цивилизациями.

Отсюда, окончание Холодной войны вовсе не означает наступление мира и гармонии: на смену старым формам идентичности обязательно должны прийти новые, основанные на отношениях вражды и противостояния. Эти отношения будут складываться на основе религиозных и культурных противоречий.

Таким образом, мир в данной теоретической модели предстает вовлеченным в серию цивилизационных конфликтов, где цивилизации, различные в культурном и религиозном плане вступают в борьбу и наоборот, близкие – сотрудничают.

Согласно Хантингтону мы живем в эпоху нарастающего напряжения между развивающимися и развитыми обществами. «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов» [5, с. 92].

Хантингтон называет стержневыми государства, являющиеся наиболее влиятельными в политическом отношении для стран со сходной культурой. Именно вокруг таких стержневых государств, по мнению Хантингтона, возникают цивилизационные группы. В зарождающейся глобальной политике стержневые государства главных цивилизаций занимают места двух сверхдержав периода «холодной войны» и становятся основными полюсами притяжения и отталкивания для других стран. Эти изменения наиболее явно видны в западной, православной и синской цивилизациях. Здесь возникают цивилизационные группы, в которые входят стержневые государства, страны-участницы, родственное в культурном плане меньшинство, проживающее в соседних странах, и (хотя это спорно) народы других культур, которые проживают в соседних государствах. Страны в этих цивилизационных блоках зачастую можно расположить концентрическими кругами вокруг стержневой страны или стран, отражая степень их отождествления с этим блоком и интеграции в него. За неимением признанной стержневой страны ислам усиливает свое общее самосознание, но до сих пор создал лишь рудиментарную общую политическую структуру.

«Странам свойственно «примыкать» к странам со схожей культурой и противостоять тем, с кем у них нет культурной общности» [5, с. 89].

Хантингтон утверждает, что наибольшую угрозу для стран Запада представляют страны

исповедующие ислам. Он подчеркивает тенденцию ислама разрешать конфликты насилием, что, по его мнению, представляет огромную проблему для мира в целом. Он предупреждает Запад держаться вместе для противостояния угрозе со стороны ислама.

С. Хантингтон описывает сложившуюся ситуацию следующим образом: «Основная проблема Запада – вовсе не исламский фундаментализм. Это – ислам, иная цивилизация, народы которой убеждены в превосходстве своей культуры и которых терзает мысль о неполноценности их могущества. Для ислама проблема – вовсе не ЦРУ и не министерство обороны США. Это – Запад, иная цивилизация, народы которой убеждены во всемирном, универсалистском характере своей культуры и которые верят, что их превосходящая прочих, пусть и клонящаяся к упадку мощь возлагает на них обязательство распространять свою культуру по всему миру. Вот главные компоненты того топлива, которое подпитывает огонь конфликта между исламом и Западом» [5, с. 142].

По мысли ученого важность того, что он называет «Исламское возрождение» сравнима с французской, американской и русской революциями. «Границы ислама и в самом деле кровавы и мусульманская воинственность и предрасположенность к силовым решениям конфликтов являются реальностью конца двадцатого века, и этого не могут отрицать ни мусульмане, ни не мусульмане» [5, с. 174].

Хантингтон утверждает, что по сравнению с другими цивилизациями, мусульманской присуща повышенная степень воинственности, а так же тенденция решать проблемы насильственным путем. Он указывает шесть причин, вследствие которых представители мусульманской цивилизации предрасположены более других народов прибегать к насилию, и по этим же причинам, государства, исповедующие ислам, во время международных кризисов, также, скорее всего, предпочтут насилие для решения своих проблем. В числе этих причин: воинственный и абсолютистский характер ислама, столкновения исламской цивилизации с другими культурами, чувство обиды и ощущение себя жертвой мировой политики и др.

Хантингтон предостерегает Западный мир, и говорит о том, что помимо этой особой, глубоко укорененной склонности ислама к насилию, существует также и глубокое противоречие между христианством, выступающим основанием западной цивилизации и культуры и исламом.

События 11 сентября 2001 г. многими оцениваются как подтверждение истинности теории Хантингтона.

Обе концепции и Фукуямы и Хантингтона нашли огромное количество сторонников, но также породили и огромное количество критики.

Существует немалое количество ученых, которые заявляют о том что, ни та, ни другая концепция неверна, в числе которых Б. Ерасов, А.С. Панарин, К.Махбабани и др. Они утверждают, что оба автора не учитывают то обстоятельство, что современный мир находится в ситуации экономического, экологического и энергетического кризиса и это обстоятельство может привести к таким последствиям, которые трудно прогнозируемы.

Концепция Конца истории и вытекающая из нее идея возникновения единой универсальной цивилизации не является, по мнению многих исследователей, достаточно убедительной. Люди в течение тысячелетий обладали и обладают индивидуальными чертами, присущими той или иной культуре, и, несомненно, что никакая универсализация ценностей не сможет в полной мере уничтожить этих индивидуальных различий. Положение Фукуямы о вступлении мира в период относительного мира и спокойствия, строго говоря, не выдерживает критики.

Но и главный тезис Хантингтона о том, что наиболее кровопролительные конфликты в мире вызываются цивилизационными противоречиями, суть которых заключается в том, что нации борются за цивилизационные связи и верность цивилизации, в строгом смысле, не является доказанным фактом и на это следует возразить, что нации борются, в большей степени, за долю на рынке, занятость и экономическое процветание.

- Концепции Фукуямы и Хантингтона представляют собой два варианта философского осознания и прогнозирования будущего – современный либерализм (концепция «Конца истории») и современный консерватизм (концепция «Столкновения цивилизаций»),

- Различия концепций Фукуямы и Хантингтона в отношении будущего человеческой цивилизации вытекают из разных подходов. В основе расхождений лежит такой важный философский вопрос как природа человека.

- Обе концепции интерпретируют будущее человечества на основе цивилизационного подхода, что обуславливает их высокий прогностический потенциал.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фукуяма Ф. Конец истории? /Ф. Фукуяма // Философия истории. Антология. — М., 1995. — 540 с.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М.: ООО "Издательство АСТ", 2004 — 207 с.
3. Frank R.N. Gnoosing me Right Pond Human Behaviour and the Quest for Status Oxford Oxford University Press, 1985 453 p.
4. Хаксли О. О дивный новый мир / О. Хаксли. СПб.: Амфора, 1999. с. 520.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.

Паскалова М. І. — кандидат філософських наук, старший викладач кафедри гуманітарних та соціально-економічних дисциплін, учений секретар Військової академії (м. Одеса)

УДК: 123.1+140.8

ВИЗНАЧАЛЬНА ВИПАДКОВІСТЬ ЯК СПОНТАННИЙ ВИЯВ ПОДАЛЬШОЇ НЕОБХІДНОСТІ

У статті зроблена спроба проаналізувати взаємозалежність випадковості та необхідності. Розглядається опис випадковості у синергетичній теорії. Аналізується, які саме параметри оточуючої дійсності провокують появу випадковості.

Ключові слова: випадковість, нестійкість, необхідність, біфуркація.

ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ КАК СПОНТАННОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ДАЛЬНЕЙШЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

В статье предпринята попытка проанализировать взаимозависимость случайности и необходимости. Рассматривается описание случайности в синергетической теории. Анализируется, какие именно параметры окружающей действительности провоцируют появление случайности.

Ключевые слова: случайность, неустойчивость, необходимость, бифуркация.

DETERMINED RANDOMNESS AS SPONTANEOUS DEVELOPMENT OF THE NEXT NECESSITY

The article attempts to analyze the interdependence of randomness and necessity. Randomness in a synergetic combination of theory is described. The parameters of reality which provoke the appearance of randomness are examined.

Key words: randomness, volatility, necessity, bifurcation.

Все события, происходящие в жизни человека, могут быть оценены как необходимые либо как случайные. Свершившееся событие, если оно представляет логическое следование из предшествующих событий, расценивается как факт, который не мог не произойти. Такое течение жизни воспринимается человеком как должное ибо «подтверждает» организованность окружающей действительности, делает целесообразным заблаговременное планирование и расчет. Если же случается непредвиденное, то, что по нашему представлению не должно было произойти, то мы говорим о случайности. Случайность, в отличие от необходимости, расценивается как дезорганизующее явление ибо вносит в нашу жизнь некоторое непонимание и непредсказуемость. Одноразовые и непериодические события первоначально отождествляют с дезорганизацией, и только в исключительных случаях впоследствии делаются попытки познать определившие их причины. Поиск этих причин вырождается зачастую в простую констатацию их наличия, закрепляя за ними фатальность и непознаваемость. Однако события, которые следуют за случайностью, чаще всего, выстраиваются в слаженную последовательность, в результате чего возникает вопрос: а была ли случайность случайна?

Вопрос о необходимости и случайности в окружающей действительности занимал многих исследователей с давних времён и не потерял актуальности и сегодня.

В статье предпринята попытка проанализировать взаимозависимость случайности и необходимости. Рассматривается описание случайности в синергетической теории. Анализируется,